

ствует функционированию ИО в качестве средства первичной номинации ситуации, детализируемой далее в тексте. Одно событие описывается средствами широкого и узкого значения. При этом возникают отношения включения: *If... the students are likely to need to know, how to suggest an alternative course of action, they will need to know expressions such as: wouldn't it be better if...? I think we should... let's try... why don't we/doesn't he...* (Maley) Среди отношений неравнозначности включение наиболее часто, однако можно выделить и другие типы зависимости: подчинение, перекрещивание.

Если ИО располагаются в конце последовательности кореферентных номинаций, они представляют собой повторную и обобщающую номинации. Такое расположение является результатом естественной последовательности познания ситуации. Сначала познаются детали и частности, из которых затем складывается общее. Однако такой порядок не ориентирован на восприятие линейной речи, для которой характерно сначала поименование ситуации в целом, поэтому для ИО более обычна позиция в начале СФЕ или текста.

Итак, ИО выполняют в тексте различные функции в зависимости от их позиции. Для формально выделенной инициальной позиции характерна функция интродуктирования, введения темы, названия предмета обсуждения. ИО в конечной позиции обычно подводят итог сказанному, представляют собой заключение или вывод. Функционально-семантические отношения с окружающим текстом для ИО, не расположенных в сильной позиции, определяются их положением относительно (частично) кореферентных поименований ситуации. При этом могут возникнуть отношения равнозначности или неравнозначности. Первые предполагают тождество и эквивалентность, вторые — различные варианты расширения значения.

¹ Зернецкий В. В. Поименование предложениями в тексте // Радзяньска школа. 1983. № 4. С. 42.

² Dijk T. A. Van. Text and Context: Explorations in the Semantics and Pragmatics of Discourse. London, 1977. P. 10.

³ Арнольд И. В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // ИЯШ. 1978. № 4. С. 31.

⁴ Lyons J. Language, Meaning and Context. London, 1981. P. 218.

⁵ См.: Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. С. 28.

⁶ См.: Гак В. Г. Повторная номинация на уровне предложения // Синтаксис текста. М., 1979.

⁷ Longacre Robert E. Sentences as Combinations of Clauses // Language Typology and Syntactic Description. Cambridge etc., 1985. V. 2. P. 246.

А. П. ГУМИНСКИЙ

СИНТАКСИЧЕСКАЯ КОНДЕНСАЦИЯ И РЕКУРСИВНАЯ ПАДЕЖНАЯ СТРУКТУРА

Как известно, предложения типа *Мать режет хлеб на столе* и *Мальчиком он мечтал о море* (1) могут быть представлены в виде конъюнкции предложений *Мать режет хлеб + Хлеб лежит на столе* и *Он был мальчиком + Он мечтал о море* соответственно. Подобного рода представление предполагает, что в предложениях (1), содержащих три именные группы, наблюдается совмещение или конденсация двух бинарных предикатов, один из которых сохраняет первоначальную форму, а другой ее теряет, но может быть эксплицитно восстановлен. Здесь и далее процесс представления предложения, который является обратным по отношению к процессу конденсации, назовем деконденсацией предложения. Процесс деконденсации рассматривается нами с точки зрения превращения синтаксически необусловленного адвербиального употребле-

ния падежных форм в синтаксически обусловленное синтагматическое. Эта позиция предполагает, что глагол в предложении управляет только одной именной группой. Наличие в нем других именных групп объясняется явлением синтаксической конденсации, которое позволяет опускать глаголы, управляющие этими именными группами, и тем самым порождать в предложении адвербиальные элементы¹. Определенные трудности вызывает, как нам представляется, деконденсация предложений следующих двух типов.

А). В предложениях этого типа глаголы обладают двойной сильной интенцией (под глагольной интенцией в отличие от глагольного управления понимается отношение глагола не только к прямому объекту, но и к субъекту²). Так, в предложении *Человек топором рубит дерево* (2а) субъектом *рубить* может быть как *человек*, так и *топор*. Деконденсация подобных предложений не рассматривалась.

Б). В предложениях этого типа глаголы обладают двойным сильным управлением. Их деконденсация представляется неубедительной по причине неотмеченности одного из двух предложений, являющихся результатом деконденсации. Например, предложение *Мальчик берет книгу с полки* (2б) представляется в виде *Книга находится на полке* + **Мальчик берет с полки*³.

Мы отстаиваем точку зрения, согласно которой в деконденсированном предложении глагол управляет только одной именной группой, и попытаемся разрешить возникшие затруднения, изложенные в А) и Б).

Рассмотрим А). Мы считаем, что субъектом глагола *рубить* является не *человек*, не *топор* и не *человек и топор*, а именная группа, репрезентирующая определенного типа отношение, существующее между человеком и топором. Другими словами, рубит не топор и не человек, а некая система, образованная отношением между человеком и топором. Репрезентация субъектом отношения, а не предмета, снимает неоднозначность в выборе субъекта. Наличие подобного отношения продемонстрировал Г. Лакофф⁴, который показал, что предложения типа *Человек рубит дерево топором* и *Человек использует топор, чтобы рубить дерево* являются синонимичными и имеют единую глубинную структуру. Таким образом, фраза *человек использует топор* (3) характеризует рассматриваемое отношение. Зададим его одной именной группой. Для этого проанализируем глагол *использовать*. Он относится к глаголам среднего залога, особенность которых состоит в том, что в них субъект выступает как место протекания процесса, даже если этот процесс, как в данном случае (лат. *ignis*), требует объекта; «субъект одновременно является и центром, и производителем процесса»⁵. Субъект *рубить*, таким образом, должен репрезентировать процесс, происходящий в человеке, что позволяет лексически сконденсировать (3) в именную группу *использующий топор человек*. Итак, субъект *рубить* определяется однозначно: не *человек рубит дерево* и не *топор рубит дерево*, а *использующий топор человек рубит дерево* (4). Если представить (3) в виде $NP^1V^1NP^2$, где NP^1 — человек; V^1 — использовать; NP^2 — топор, а *использующий топор человек* — в виде NP^3 , то NP^3 будет представлять собой результат лексической конденсации $NP^1V^1NP^2$. Запишем этот факт условно как $NP^3 = NP^1V^1NP^2$. Предложение (4) представим в виде $NP^3V^2NP^4$, где V^2 — рубить; NP^4 — дерево. Тогда взаимосвязь структур предложений (3) и (4) такова, что NP^3 содержит в себе структуру предложения (3). Формально запишем это следующим образом: $(NP^1V^1NP^2)V^2NP^4 = (NP^1V^1NP^2)$, $(NP^3V^2NP^4)$. Учтя, что (3) и (4) удовлетворяют падежной структуре SVO, где S — именная группа в именительном падеже; V — глагол в активном залоге; O — именная группа в винительном падеже, представим $(NP^1V^1NP^2)V^2NP^4$ в более абстрактном виде (SVO)VO.

Рассмотрим Б). Мы считаем, что глаголы типа *брать*, *давать*, *выводить*, *класть* и т. п. репрезентируют воздействие не на предмет, который перемещается (*мальчик берет книгу*), и не на предмет, относительно ко-

того происходит перемещение (*мальчик берет с полки*), а на пространственное соположение, существующее между этими предметами. А если это так, то подобные глаголы должны управлять именной группой, которая репрезентирует это соположение. В случае (26) пространственное отношение между книгой и полкой репрезентирует глагол *находиться*: *книга находится на полке* (5). Предложению (5) соответствует структура $NP^6V^3NP^7$, где NP^6 — *книга*; V^3 — *находиться*; NP^7 — *полка*. Учитывая, что глагол *находиться* является глаголом среднего залога и репрезентирует процесс внутри субъекта, лексически сконденсируем (5) в именную группу NP^8 — *находящаяся на полке книга*, — которая может быть условно представлена в виде $NP^8 = NP^6V^3NP^7$. Предложению *Мальчик берет находящуюся на полке книгу* (6) соответствует структура $NP^5V^4NP^8$, где NP^5 — *мальчик*; V^4 — *берет*. Взаимосвязь (5) и (6) такова, что NP^8 содержит в себе структуру предложения (5): $NP^5V^4(NP^6V^3NP^7) = (NP^5V^4NP^8)$, $(NP^6V^3NP^7)$.

Учитывая, что (5) и (6) удовлетворяют структуре SVO (в (5) локатив после глагола *находиться* выступает как грамматический падеж по Е. Куриловичу, что позволяет отождествлять его с аккузативным окончанием прямого объекта), представим $NP^5V^4(NP^6V^3NP^7)$ в виде SV(SVO).

Итак, выделены две падежные структуры: (SVO)VO и SV(SVO). Формально они могут быть получены из SVO путем подстановки на место S и на место O падежной структуры SVO. Назовем их рекурсивными падежными структурами (от лат. *recursio* 'возвращение'), а процедуру получения этих структур — рекурсией падежей или просто рекурсией. Выделенные структуры имеют два уровня. Первый уровень — это уровень, элементы которого замещаются падежной структурой SVO, а второй уровень — это уровень, образуемый элементами замещаемой падежной структуры.

Формально процедура рекурсии не может быть приостановлена рекурсией первого уровня. Рекурсия второго уровня позволяет получить, например, следующие структуры: ((SVO)VO)VO и SV(SV(SVO)). Первой структуре может соответствовать предложение с творительным средства: *Человек стреляет в дерево дробью (Использующий ружье человек использует дробь, чтобы стрелять в дерево)*. Второй структуре может соответствовать предложение с родительным части (меры): *Мальчик берет со стола кусок пирога (Мальчик берет кусок находящегося на столе пирога)*. Возможна также структура (SVO)V(SVO), которой соответствует, например, предложение *Человек вывозит запчасти из гаража на машине (Использующий машину человек вывозит находящиеся в гараже запчасти)*.

Результат деконденсации предложений (1) отличен от результата деконденсации предложений (2а) и (2б). В (1) имеет место именная группа (в первом предложении — *хлеб*, во втором — *он*), которая встречается в обоих предложениях, представляющих собой деконденсацию (1). В представлении (2а) и (2б) ничего похожего не наблюдается.

В заключение заметим, что снятие адвербиальных элементов (в нашем случае — инструменталиса, средства, локатива, меры) путем синтаксической деконденсации предложения и представления его в виде рекурсивной падежной структуры позволяет подвергнуть сомнению необходимость наличия адвербиальных элементов в глубинной структуре предложения⁶.

¹ См.: Мартынов В. В. Категория языка. М., 1982. С. 38; Его же. Функциональная грамматика и категория языка // Проблемы функциональной грамматики. М., 1985.

² См.: Оравец Я. К вопросу о глагольной интенции и глагольном управлении // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969.

³ Неотмеченность одного из двух приведенных предложений дает основание заключить, что наличие одного из управляемых членов в ряде случаев обусловлено обязательным присутствием второго. См.: Михневич А. Е. Некоторые вопросы изучения син-

таксических (подчинительных) связей слов в работах советских и чехословацких лингвистов // Вопросы языкознания. 1968. № 5. С. 109; Апресян Ю. Д. Об экспериментальном толковом словаре русского языка // Вопросы языковедения. 1968. № 5. С. 45.

⁴ См.: Lakoff G. Instrumental adverbs and the concept of deep structure // Foundations of Language. 1968. V. 4. № 1.

⁵ Бенвенист Э. Очерки по лингвистике. М., 1974. С. 188.

⁶ Г. Лакофф не включает адвербиальные элементы в глубинную структуру на том основании, что многие адвербы трансформационно выведены из других, более основных структур. Так, поскольку косвенный объект **топором** в (2а) есть прямой объект глагола *использовать* в (3), то в глубинной структуре не может быть инструментально-адвербиальной конституенты. См.: Lakoff G. Instrumental adverbs and the concept of deep structure; Lakoff G. Irregularity in Syntax. New York, 1970.